

НАУЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ О СТРУКТУРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ

Г.А. Агаев, доктор юридических наук, профессор;
Е.А. Зорина, кандидат юридических наук.
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

Рассмотрены дискуссионные вопросы логической структуры нормы уголовного права. Обращено внимание на то, что в современной правовой теории существуют различные представления о структуре уголовно-правовой нормы. Проведен анализ основных научных взглядов по рассматриваемой тематике. Представлено и обосновано авторское видение структуры уголовно-правовой нормы.

Ключевые слова: Уголовный кодекс, уголовно-правовая норма, структура уголовно-правовой нормы, гипотеза, диспозиция, санкция, преступление, квалификация преступлений

SCIENTIFIC VIEWS ABOUT THE STRUCTURE OF CRIMINAL LAW RULE

G.A. Agaev; E.A. Zorina.
Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia

Dedicated to the debatable questions on logic structure of criminal law rule. The attention is drawn to the fact that there are various views about the structure of criminal law rule in the modern legal theory. The analysis of the basic scientific views on considered subject is carried out. The author's vision of structure of criminal law rule is presented and proved.

Key words: the Criminal code, criminal law rule, structure of the criminal law rule, a hypothesis, a disposition, the sanction, a crime, qualification of crimes

Важнейшим показателем качества правовой нормы, определяющим ее способность быть регулятором общественных отношений, является структура правовой нормы (внутреннее строение), по поводу которой на страницах юридической печати ведется давняя и непрекращающаяся дискуссия [1–7].

Правотворчество выработало отдельные виды правовых норм, содержащих правила поведения людей в конкретных жизненных ситуациях. В качестве формы правовой нормы выступает определенная логическая структура, которая создается при помощи специфической системы идеальных, логико-технических средств. Речь идет о гипотезе, диспозиции и санкции.

Диспозиция – это та часть статьи, в которой определяется преступное деяние. Диспозиции статей уголовного закона бывают четырех видов: простая, описательная, ссылочная, бланкетная.

Простая диспозиция только называет преступное деяние, но не определяет его признаков, например диспозиция ч. 1 ст. 126 Уголовного кодекса РФ – «Похищение человека» [9]. Обычно в теории уголовного права существование простых диспозиций объясняется тем, что они будто бы употребляются в тех случаях, когда признаки преступления ясны и понятны без пояснения их в тексте закона. Однако изучение ошибок в квалификации преступлений, предусмотренных простыми диспозициями, и наличие споров по вопросу понимания некоторых признаков состава, упоминаемых в них, позволяет усомниться в простоте простых диспозиций. Простыми диспозиции бывают лишь по форме,

но вовсе не по содержанию. Нельзя не согласиться с утверждением А.В. Наумова о том, что простые диспозиции – это чаще всего дефект законодательной техники. По мнению А.В. Наумова, при подготовке текста уголовного закона следует вообще отказаться от употребления простых диспозиций [10]. Профессор А.В. Наумов не одинок в своих взглядах. Авторы полагают, что наличие простых диспозиций может послужить поводом для субъективного вменения, а последнее может привести к неправоначальному приговору, незаконному осуждению и наказанию.

Описательные диспозиции в отличие от простых не только называют определенное преступление, но и раскрывают его признаки. Так ст. 214 Уголовного кодекса РФ определяет вандализм как «осквернение зданий или иных сооружений, порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах». Описательной является и диспозиция ч. 1 ст. 205 Уголовного кодекса РФ «Террористический акт». В действующем Уголовном кодексе РФ большинство диспозиций являются описательными, что по нашему мнению, вполне оправдано, так как от законодательного выражения «буквы» уголовного закона зависит определение оснований уголовной ответственности за конкретное преступление.

Ссылочной признается диспозиция, которая в отличие от описательной, не содержит указания на признаки соответствующего преступного деяния, а отсылает к другой статье или части статьи уголовного закона, где дается определение преступления. Например, ссылочной является диспозиция ч. 1 ст. 205-1 Уголовного кодекса РФ – «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 настоящего кодекса, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а, равно финансирование терроризма...»[8].

Это значит, что для определения состава этого преступления необходимо обратиться к ст.ст. 205, 206, 277, 278, 279 и 360 Уголовного кодекса РФ. При этом, если лицо склоняется, вербуются, иным образом вовлекается, либо вооружается и подготавливается в целях совершения любого другого кроме перечисленных выше преступлений, то состава «содействия террористической деятельности» (ст. 205-1 Уголовного кодекса РФ) здесь не будет.

Бланкетной называется диспозиция, которая непосредственно в самом уголовном законе не определяет признаки преступного деяния, а отсылает к другим законам или иным нормативным актам другой отрасли права (административного, гражданского и т.д.). Например, бланкетной является диспозиция ч. 1 ст. 215 Уголовного кодекса РФ, устанавливающая уголовную ответственность за нарушение правил безопасности при размещении, проектировании, строительстве и эксплуатации объектов атомной энергетики [9]. Для квалификации деяния по этой статье необходимо установить, какие именно пункты правил безопасности были нарушены. Сами эти правила не расшифровываются в уголовном законе, а регламентированы в законах и нормативных актах, в частности в Федеральном законе «Об использовании атомной энергии» от 21 ноября 1995 г. [11], а также в соответствующих постановлениях Правительства РФ.

Эти нормативные акты могут быть изданы до введения в действие уголовного закона, содержащего бланкетную диспозицию, одновременно с ним и после его издания; они могут изменяться, но бланкетная диспозиция при этом остается без каких-либо изменений. В связи с этим для определения данного состава преступления всякий раз необходимо обращаться к соответствующим нормативным актам. Однако бланкетные диспозиции не сводят уголовно-правовой запрет лишь к уголовно-правовой санкции за нарушение норм иной отрасли права. Как правило, в бланкетных диспозициях условием уголовной ответственности является наступление определенных последствий, указанных непосредственно в уголовном законе. Так, в ч. 1 ст. 215 Уголовного кодекса РФ наступление ответственности связывается с тем, что нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики «могло повлечь смерть человека или радиоактивное заражение окружающей среды», и это условие принципиально

отличает данный уголовно-правовой запрет от соответствующих положений Федерального Закона «Об использовании атомной энергии» и иных нормативных актов.

По мнению Л.Д. Гаухмана, бланкетность норм уголовного права и их диспозиций – это отсутствие в них конкретного содержания при наличии ссылок на нормы других отраслей законодательства и (или) иные нормативные акты, в которых это содержание раскрывается [12]. Соответственно, бланкетностью признаков, предусмотренных в уголовно-правовых нормах, является отсутствие в последних конкретизации этих признаков при ее наличии в нормах отраслей законодательства и (или) других нормативных правовых актах.

Бланкетизация многих уголовно-правовых норм, по мнению известного российского ученого-правоведа профессора Н.Ф. Кузнецовой, представляет собой процесс объективный, обусловленный негативными сторонами технического процесса – умножением источников повышенной опасности, загрязнением окружающей природной среды и т.д. [13]. Считается, что бланкетные диспозиции представляют собой специфический способ формулирования уголовно-правовых предписаний. Они являются свидетельством взаимосвязи уголовного права с другими отраслями права. Анализ действующего Уголовного кодекса РФ позволяет утверждать, что нет такой отрасли права, отдельные нормы которой органически не входили бы в уголовно-правовые. И в этих случаях условия уголовной ответственности за совершение общественно опасных деяний содержатся в нормах не только уголовного права, но и других отраслей. Несмотря на всю необычность такого явления, ничего противоречащего самостоятельности уголовно-правового запрета в нем нет: нормы иных отраслей права включаются законодателем в диспозицию статей уголовного закона, и состав соответствующего преступления конструируется в этих случаях путем включения указанных норм в «ткань» уголовного закона. В связи с этим неуголовно-правовые нормы превращаются в «клеточку» уголовно-правовой «материи». При этом указание на нормы других отраслей права дается обычно в общей форме, чаще всего путем упоминания соответствующих нормативных актов и правил. Это делается, во-первых, для того, чтобы не загромождать Уголовный кодекс нормативными актами других отраслей права, во-вторых, для обеспечения стабильности уголовного закона, чтобы его содержание не ставилось в прямую зависимость от изменения нормативных актов других отраслей права.

К основному недостатку бланкетных диспозиций следует отнести то, что круг нормативных актов, к которым отсылают эти диспозиции, подчас очень широк. Высокий уровень бланкетности уголовно-правовых диспозиций всегда существенно затрудняет деятельность суда, следствия, прокурора или органа дознания по квалификации преступлений. Это связано с необходимостью обращения к нормативным актам самых разных отраслей права, которые, в отличие от Уголовного кодекса, издаются самыми различными органами в огромном количестве. Поэтому при квалификации таких преступлений далеко не всегда удается найти правильное решение. Об этом, в частности свидетельствуют данные, приводимые Н.И. Пикуровым. У 22 % опрошенных им следователей никогда не возникал вопрос о необходимости проверки юридической силы подзаконных нормативных актов, на которые они ссылаются при квалификации преступления. 20 % считали, что такую проверку производить необходимо, но практически это ими обычно не выполняется. 47 % заявили, что они обычно пользуются изданиями правил, инструкций и т.п. актов пяти-, а то и десятилетней давности [14]. Практика использования в законодательстве бланкетных норм всегда чревата возможностью неопределенности, произвола в правовом регулировании.

Изложенные обстоятельства показывают, что, несмотря на все негативные моменты, присущие бланкетным диспозициям уголовного закона, полностью избежать их применения по объективным причинам не удастся, так как с помощью бланкетизации обеспечиваются системные связи между нормативными актами.

Диспозиции имеют в качестве своего основания определенные низменные условия (обстоятельства), которые отражаются в другом элементе нормы – гипотезе.

Под гипотезой следует понимать условия, при которых подлежат исполнению закрепленные в законе правила поведения. В зависимости от количества условий, с наличием или отсутствием которых связываются действия правовой нормы, гипотезы классифицируются на простые, сложные и альтернативные. Если в гипотезе указывается, что действие правовой нормы зависит от одного условия, то такая гипотеза является простой. Например, ст. 274 Уголовного кодекса РФ устанавливает ответственность за нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети «если это деяние причинило существенный вред» [9]. Когда гипотеза ставит действие нормы в зависимости от наличия либо отсутствия одновременно двух или более условий, то она является сложной. Так ст. 18 Уголовного кодекса РФ предписывает что, рецидив преступлений признается особо опасным: а) при совершении лицом тяжкого преступления, за которое оно осуждается к реальному лишению свободы «если ранее это лицо два раза было осуждено за тяжкое преступление к реальному лишению свободы» [9]. Гипотеза называется альтернативной, когда действие нормы ставится в зависимости от одного из нескольких условий.

Защиты диспозиции связаны с таким элементом правовой нормы, как санкция, определяющая негативные последствия для субъекта, нарушившего диспозицию.

Санкции могут быть абсолютно-определенными (например, в случае злостного уклонения осужденного от отбывания обязательных работ, они заменяются лишением свободы ч. 3 ст. 47 Уголовного кодекса РФ); относительно-определенными (например, убийство, совершенное без смягчающих и отягчающих обстоятельств (простое убийство) карается от 6 до 15 лет лишения свободы) и альтернативными (например, убийство при отягчающих обстоятельствах карается лишением свободы на срок от 8 до 20 лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью).

Однако следует отметить, что в современной правовой теории существуют различные представления о логической структуре уголовно-правовой нормы. Большинство ученых, отдавая дань традиционным представлениям, оставляют обязательную трехэлементную структуру уголовно-правовой нормы (гипотеза, диспозиция, санкция). Между прочим, уже стало ходовым выражение: «Без диспозиции норма немыслима, без гипотезы бессмысленна, без санкции – бессильна».

Теоретическую конструкцию трехэлементной юридической логической нормы оспаривают сторонники двухэлементной логической структуры уголовно-правовой нормы.

Представляется, что и та, и другая точки зрения имеют под собой некоторые основания. Хотя, как нам представляется, сторонники двухэлементной структуры, которые видят в норме уголовного права лишь диспозицию и санкцию или гипотезу и диспозицию либо гипотезу и санкцию, во-первых, отождествляют понятия нормы права и статьи Уголовного кодекса; во-вторых, имеют в виду статьи Уголовного кодекса, размещенные в Особенной части; в-третьих, распространяют характеристику регулятивных норм на охранительные. Структура нормы права является логической абстракцией и применима к типичным нормативным предписаниям. В отличие от нее статьи (части) Особенной части Уголовного кодекса усечены за счет положений Общей части (гипотезы). Любая норма Особенной части Уголовного кодекса равна соответствующей статье Особенной части плюс предписания Общей части Уголовного кодекса. Для того чтобы воспользоваться традиционным представлением о трехэлементной структуре нормы, правовой материал нельзя ограничивать рамками либо Общей части, либо Особенной части Уголовного кодекса.

Таким образом, логическая структура норм уголовного права содержит три элемента – гипотезу, диспозицию, санкцию. С ней не совпадает структура уголовного закона (статьи, части статьи). Структура статей Особенной части Уголовного кодекса, содержащих предписания, состоит из диспозиции, описывающей состав преступления, и санкции, содержащей меру наказания. Двухэлементная структура характерна для уголовного закона (статей, части статьи), но не для уголовно-правовой нормы. Двухэлементная структура уголовного закона как прием законодательной техники объясняется прагматическими соображениями. При нем устраняется необходимость повторения громоздкой и сложной

гипотезы с указанием множественности условий перед каждой диспозицией статьи (части статьи), описывающей состав преступления в Особенной части Уголовного кодекса. Для устранения повторяемости и громоздкости закона гипотеза, состоящая из множественных условий, сформулированных в обобщенных правилах, вынесена в Общую часть Уголовного кодекса. Таким образом, возвращаясь к основному вопросу, отметим, что этот законодательный прием весьма благополучно обеспечивает простоту, краткость и доступность восприятия и применения уголовного законодательства.

Литература

1. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. М., 1940. С. 251–252.
2. Курылев С.В. О структуре юридической нормы: тр. Иркутск. гос. ун-та. Т. 27. Вып. 4. Иркутск, 1958. С. 172–189.
3. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М., 1962.
4. Бабаев В.К. Советское право как логическая система. М., 1978.
5. Малков В.П. Совокупность преступлений. Вопросы квалификации и назначения наказания. Казань, 1974.
6. Ковалев М.И. Правильное построение уголовно-правовой нормы – одно из необходимых условий ее эффективности. Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства: сб. науч. тр. СЮИ. Вып. 29. Свердловск, 1974.
7. Келина С.Г. Советский уголовный закон. М., 1961.
8. Рыбушкин Н.Н. Запрещающие нормы в советском праве. Казань, 1990.
9. Уголовный кодекс от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954 (ред. от 07 дек. 2011 г.).
10. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм. По материалам следственной и прокурорско-судебной практики: уч. пособ. ВСШ МВД СССР. Волгоград, 1973.
11. Об использовании атомной энергии: Федер. закон Рос. Федерации 21 нояб. 1995 г. № 170-ФЗ // СЗ РФ. 1995. 27 нояб. № 48. ст. 4552 (ред. от 30 нояб. 2011).
12. Уголовное право России: Общая часть / под ред. Л.Д. Гаухман, С.С. Максимов. 2-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2010.
13. Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. М.: Изд-во «Юридический центр Пресс». 2003. 834 с.
14. Пикуров Н.И. Комментарий к судебной практике квалификации преступлений на примере норм с бланкетными диспозициями. М.: Изд-во Юрайт, 2009.